

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2025 – 2026 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Сергей Довлатов

(1941–1990)

Хочу быть сильным

Когда-то я был школьником, двоечником, авиамоделистом. Списывал диктанты у Регины Мухолович. Коллекционировал мелкие деньги. Смущался. Не пил...

Хорошее было время. (Если не считать культа личности.)

Помню, мне вручили аттестат. Директор школы, изловчившись, внезапно пожал мою руку. Затем я окончил матмех ЛГУ и превратился в раздражительного типа с безумными комплексами. А каким ещё быть молодому инженеру с окладом в девяносто шесть рублей?

Я вёл размеренный, уединённый образ жизни и написал за эти годы два письма.

Но при этом я знал, что где-то есть другая жизнь — красивая, исполненная блеска. Там пишут романы и антироманы, дерутся, едят осьминогов, грустят лишь в кино. Там, сдвинув шляпу на затылок, опрокидывают двойное виски. Там кинозвёзды, утомлённые магнетом, слабеющие от запаха цветов, вяло роняют шпильки на поролоновый ковёр...

Жил я на улице Зодчего Росси. Её длина — 340 метров, а ширина и высота зданий — 34 метра. Впрочем, это не имеет значения.

Два близлежащих театра и хореографическая школа формируют стиль этой улицы. Подобно тому, как стиль улицы Чкалова формируют два гастронома и отделение милиции...

Актрисы и балерины разгуливают по этой улице. Актрисы и балерины! Их сопровождают любовники, усачи, негодяи, хозяева жизни.

Распахивается дверца собственного автомобиля. Появляются ноги в ажурных чулках. Затем — синтетическая шуба, ридикюль, браслеты, кольца. И наконец — вся женщина, готовая к решительному, долгому отпору.

Она исчезает в подъезде театра. Над асфальтом медленно тает лёгкое облако французских духов. Любовники ждут, разгуливая среди колонн. Манжеты их белеют в полумраке...

Чтобы почувствовать себя увереннее, я начал заниматься боксом. На первенстве домоуправления моим соперником оказался знаменитый Цитриняк. Подёргиваясь, он

шагнул в мою сторону. Я замахнулся, но тотчас же всем существом ударился о шершавый и жёсткий брезент. Моя душа вознеслась к потолку и затерялась среди лампионов. Я сдавленно крикнул и пополз. Болельщики засвистели, а я всё полз напролом. Пока не уткнулся головой в импортные сандалеты тренера Шарафутдинова.

— Привет, — сказал мне тренер, — как делишки?

— Помаленьку, — отвечаю. — Где тут выход?..

С физкультурой было покончено, и я написал рассказ. Что-то было в рассказе от моих ночных прогулок. Шум дождя. Уснувшие за рулём шофёры. Безлюдные улицы, которые так похожи одна на другую...

Бородатый литсотрудник долго искал мою рукопись. Роясь в шкафах, он декламировал первые строчки:

— Это не ваше — «К утру подморозило...»?

— Нет, — говорил я.

— А это — «К утру распогодилось...»?

— Нет.

— А вот это — «К утру Ермил Федотович скончался...»?

— Ни в коем случае.

— А вот это, под названием «Марш одноногих»?

— «Марш одиноких», — поправил я.

Он листал рукопись, повторяя:

— Посмотрим, что вы за рыбак... Посмотрим...

И затем:

— Здесь у вас сказано: «...И только птицы кружились над гранитным монументом...»

Желательно знать, что характеризуют собой эти птицы?

— Ничего, — сказал я, — они летают. Просто так. Это нормально.

— Чего это они у вас летают, — брезгливо поинтересовался редактор, — и зачем? В силу какой такой художественной необходимости?

— Летают, и всё, — прошептал я, — обычное дело...

— Ну хорошо, допустим. Тогда скажите мне, что олицетворяют птицы в качестве нравственной эмблемы? Радиоволну или химическую клетку? Хронос или Демос?..

От ужаса я стал шевелить пальцами ног.

— Ещё один вопрос, последний. Вы — жаворонок или сова?

Я закричал, поджёг бороду редактора и направился к выходу.

Вслед донеслось:

— Минуточку! Хотите, дам один совет в порядке бреда?

— Бреда?!

— Ну, то есть от фонаря.

— От фонаря?!

— Как говорится, из-под волос.

— Из-под волос?!

— В общем, перечитывайте классиков. Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого. Особенно — Толстого. Если разобраться, до этого графа подлинного мужика в литературе-то и не было...

С литературой было покончено.

Дни потянулись томительной вереницей. Сон, кефир, работа, одиночество. Коллеги, видя моё состояние, забеспокоились. Познакомили меня с развитой девицей Фридой Штейн.

Мы провели два часа в ресторане. Играла музыка. Фрида читала меню, как Тору, — справа налево. Мы заказали блинчики и кофе.

Фрида сказала:

— Все мы — люди определённого круга.

Я кивнул.

— Надеюсь, и вы — человек определённого круга?

— Да, — сказал я.

— Какого именно?

— Четвёртого, — говорю, — если вы подразумеваете круги ада.

— Bravo! — сказала девушка.

Я тотчас же заказал шампанское.

— О чём мы будем говорить? — спросила Фрида. — О Джойсе? О Гитлере? О Пшебышевском? О чёрных терьерах? О структурной лингвистике? О неофрейдизме? О Диззи Гиллеспи? А может быть, о Ясперсе или о Кафке?

— О Кафке, — сказал я.

И поведал ей историю, которая случилась недавно:

«Прихожу я на работу. Останавливает меня коллега Барабанов.

— Вчера, — говорит, — перечитывал Кафку. А вы читали Кафку?

— К сожалению, нет, — говорю.

— Вы не читали Кафку?

— Признаться, не читал.

Целый день Барабанов косился на меня. А в обеденный перерыв заходит ко мне лаборантка Нинуля и спрашивает:

— Говорят, вы не читали Кафку. Это правда? Только откровенно. Всё останется между нами.

— Не читал, — говорю.

Нинуля вздрогнула и пошла обедать с коллегой Барабановым...

Возвращаясь с работы, я повстречал геолога Тищенко. Тищенко был, по обыкновению, с некрасивой девушкой.

— В Ханты-Мансийске свободно продается Кафка! — издали закричал он.

— Чудесно, — сказал я и, не оглядываясь, поспешил дальше.

— Ты куда? — обиженно спросил геолог.

— В Ханты-Мансийск, — говорю.

Через минуту я был дома. В коридоре на меня обрушился сосед-дошкольник Рома. Рома обнял меня за ногу и сказал:

— А мы с бабуленькой Кафку читали!

Я закричал и бросился прочь. Однако Рома крепко держал меня за ногу.

— Тебе понравилось? — спросил я.

— Более или менее, — ответил Рома.

— Может, ты что-нибудь путаешь, старик?

Тогда дошкольник вынес большую рваную книгу и прочёл:

— РУФКИЕ НАРОДНЫЕ КАФКИ!

— Ты умный мальчик, — сказал я ему, — но чуточку шепелявый. Не подарить ли тебе ружьё? Так я и сделал...»

— Bravo! — сказала Фрида Штейн.

Я заказал ещё шампанского.

— Я знаю, — сказала Фрида, — что вы пишете новеллы. Могу я их прочесть? Они у вас при себе?

— При себе, — говорю, — у меня лишь те, которых ещё нет.

— Bravo! — сказала Фрида.

Я заказал ещё шампанского...

Ночью мы стояли в чистом подъезде. Я хотел было поцеловать Фриду. Точнее говоря, заметно пошатнулся в её сторону.

— Bravo! — сказала Фрида Штейн. — Вы напились как свинья!

С тех пор она мне не звонила.

Дни тянулись серые и неразличимые, как воробьи за окнами. Как листья старых тополей в унылом нашем палисаднике. Сон, кефир, работа, произведения Золя. Я заболел и выздоровел. Приобрёл телевизор в кредит.

Как-то раз около «Метрополя» я повстречал бывшего одноклассника Секина.

— Где ты работаешь? — спрашиваю.

— В одном НИИ.

— Деньги хорошие?

— Хорошие, — отвечает Секин, — но мало.

— Bravo! — сказал я.

Мы поднялись в ресторан. Он заказал водки.

Выпили.

— Отчего ты грустный? — Секин коснулся моего рукава.

— У меня, — говорю, — комплекс неполноценности.

— Комплекс неполноценности у всех, — заверил Секин.

— И у тебя?

— И у меня в том числе. У меня комплекс твоей неполноценности.

— Bravo! — сказал я.

Он заказал ещё водки.

— Как там наши? — спросил я.

— Многие померли, — ответил Секин, — например, Шура Глянец. Глянец пошёл купаться и нырнул. Да так и не вынырнул. Хотя прошло уже более года.

— А Миша Ракитин?

— Заканчивает аспирантуру.

— А Боря Зотов?

— Следователь.

— Ривкович?

— Хирург.

— А Лёва Баранов? Помнишь Лёву Баранова? Спортсмена, тимуровца, победителя всех олимпиад?

— Баранов в тюрьме. Баранов спекулировал шарфами. Полгода назад встречаю его на Садовой. Выходит Лёва из Апраксина двора и спрашивает:

«Объясни мне, Секин, где логика?! Покупаю болгарское одеяло за тридцать рэ. Делю его на восемь частей. Каждый шарф продаю за тридцать рэ. Так где же логика?!»

— Bravo! — сказал я.

Он заказал ещё водки...

Ночью я шёл по улице, расталкивая дома. И вдруг очутился среди колонн Пушкинского театра. Любовники, бретёры, усачи прогуливались тут же. Они шуршали

дакроновыми плащами, распространяя запах сигар. Неподалёку тускло поблёскивали автомобили.

— Эй! — закричал я. — Кто вы?! Чем занимаетесь? Откуда у вас столько денег? Я тоже стремлюсь быть хозяином жизни! Научите меня! И познакомьте с Элиной Быстрицкой!..

— Ты кто? — спросили они без вызова.

— Да так, всего лишь Егоров, окончил матмех...

— Федя, — представился один.

— Володя.

— Толик.

— Я — протезист, — улыбнулся Толик. — Гнилые зубы — вот моя сфера.

— А я — закройщик, — сказал Володя, — и не более того. Экономно выкраивать гультфик — чему ещё я мог бы тебя научить?!

— А я, — подмигнул Федя, — работаю в комиссионном магазине. Понадобятся импортные шмотки — звони.

— А как же машины? — спросил я.

— Какие машины?

— Автомобили? «Волги», «Лады», «Жигули»?

— При чём тут автомобили? — спросил Володя.

— Разве это не ваши автомобили?

— К сожалению, нет, — ответил Толик.

— А чьи же? Чьи же?

— Пёс их знает, — откликнулся Федя, — чужие. Они всегда здесь стоят. Эпоха такая. Двадцатый век...

Задыхаясь, я бежал к своему дому. Господи! Торговец, стоматолог и портной! И этим людям я завидовал всю жизнь! Но про автомобили они, конечно, соврали! Разумеется, соврали! А может быть, и нет!..

Я взбежал по тёмной лестнице. Во мраке были скуповато рассыпаны зелёные кошачьи глаза. Пугая кошек, я рванулся к двери. Отворил её французским ключом. На телефонном столике лежал продолговатый голубой конверт.

Какому-то Егорову, подумал я. Везёт же человеку! Есть же такие счастливицы, баловни фортуны! О! Но ведь это я — Егоров! Я и есть! Я самый!..

Я разорвал конверт и прочёл:

«Вы нехороший, нехороший, нехороший, нехороший, нехороший!»

Фрида Штейн.

Р. S. Перечитайте Гюнтера де Бройна, и вы разгадаете моё сердце.

Ф. Штейн.

Р. Р. S. Кто-то забыл у меня в подъезде сатиновые нарукавники.

Ф. Ш.»

Что всё это значит?! — думал я. Торговец, стоматолог и портной! Какой-то нехороший Егоров! Какие-то сатиновые нарукавники! Но ведь это я — Егоров! Мои нарукавники! Я нехороший!.. А при чем здесь Лев Толстой? Что ещё за Лев Толстой?! Ах да, мне же нужно перечитать Льва Толстого! И ещё — Гюнтера де Бройна! Вот с завтрашнего дня и начну...

1967

Примечания:

Улица Зодчего Росси — одна из центральных улиц Санкт-Петербурга. Уникальность её состоит в том, что застройка выполнена в точном соответствии с античными канонами — высота зданий равна ширине улицы и составляет 22 метра, а её длина ровно в десять раз больше — 220 метров.

Ридикюль — небольшая женская сумочка, популярная с конца XVIII века, используется как нарядный аксессуар для мелочей.

Лампион — небольшой декоративный фонарик, обычно бумажный или стеклянный, используемый для иллюминации, праздничного оформления или освещения.

Хронос — божество в древнегреческой мифологии.

Демос — народ. Этим термином в Древней Греции обозначались свободные граждане, имеющие гражданские права, в отличие от рабов.

Тора — священная книга в иудаизме, написанная на языке иврит, в котором направление письма — справа налево.

Станіслав Феликс Пишибышевский — польский писатель (1868–1927).

Диззи Гиллести — джазовый трубач-виртуоз, один из родоначальников современного импровизационного джаза (1917–1993).

Карл Ясперс — философ, доктор медицины и психологии, профессор в университете Гейдельберга (1883–1969).

«Метрополь» — ресторан в Санкт-Петербурге.

Бретёр — от фр. brette («шпага») — заядлый, «профессиональный» дуэлянт, готовый драться на дуэли по любому, даже самому ничтожному поводу.

Дакрон — синтетический материал, созданный на основе полиэстеровых волокон. Он отличается долговечностью и стойкостью к внешним воздействиям, применяется в производстве технических тканей, спортивной одежды и туристического снаряжения.

Апраксин двор – один из старейших торговых комплексов в центре Санкт-Петербурга, существует с середины XVIII века, название получил в честь графа Ф.М. Апраксина, сподвижника Петра I.

Элина Авраамовна Быстрицкая – советская и российская актриса театра и кино (1928-2019). Стала знаменитой после исполнения роли Аксины в экранизации романа М. Шолохова «Тихий Дон» (1957–1958).

Гульфик – деталь одежды.

Гюнтер де Бройн – немецкий писатель (1926–2020).

Сатиновые нарукавники – защитный элемент одежды из прочной сатиновой ткани, они надеваются на рукава от запястья до локтя, чтобы защитить одежду от истирания, загрязнений и чернильных пятен. В середине XX века были популярным элементом школьной формы и одежды конторских служащих.

Павел Коган

(1918–1942)

Поэту

*Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя...
Н. Гумилев*

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав?

Эта полночь сведёт с ума,
Перепутает дни – и прочь.
Из Норвегии шёл туман.
Злая ночь. Балтийская ночь.

Ты лежал на сыром песке,
Как надежду обняв песок.
То ль рубин горит на виске,
То ль рябиной зацвёл висок.

Ах, на сколько тревожных лет
Горечь эту я сберегу!
Злою ночью лежал поэт
На пустом, как тоска, берегу.

Ночью встанешь. И вновь и вновь
Запеваешь песенку ту же:
«Ах ты ночь, ты моя любовь,
Что ты злою бедою кружишь?»

Есть на свете город Каир,
Он ночами мне часто снится,
Как стихи прямые твои,
Как косые её ресницы.

Но, хрипя, отвечает тень:
«Прекрати. Перестань. Не надо».
В мире ночь. В мире будет день.
И весна за снега награда.

Мир огромен. Снега косы,
Людам – слово, а травам шелест.
Сын ты этой земли иль не сын?
Сын ты этой земле иль пришелец?

Выходи. Колобродь. Атамань.
Травы дрогнут. Дороги заждались вождя...
«...Но ты слишком долго вдыхал тяжёлый туман.
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя».

1937